

Зарин Андрей Ефимович

Скрипач

**Повесть из последних лет
крепостного права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Скрипач: Повесть из последних лет крепостного права / Зарин Андрей Ефимович – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 228 с.

ISBN 978-5-519-85725-3

ISBN 978-5-519-85725-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Раннимъ майскимъ утромъ 1857 года по проѣзжей дорогѣ изъ Кирсанова, вдоль лѣваго берега рѣки Вороны, бѣгая лохматая лошаденка, лѣниво помахивая своимъ курымъ хвостомъ, медленно тащила телѣгу съ двумя сѣдоками. Сзади, примостившись на кулѣ съ овсомъ, сидѣлъ ноша лѣтъ восемнадцати, съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ. Соломенная шляпа съ большими полями и тинные волосы придавали ему артистическій видъ. Косюмъ его былъ господскаго покроя, хотя изъ грубаго атеріала. Въ ногахъ у него лежали ковровый мѣшокъ и утляръ со скрипкою.

На передкѣ, бокомъ, перебросивъ босыя ноги черезъ рай телѣги, помѣщался хозяинъ лошади, мужикъ лѣтъ тридцати на видъ, худой, заморенный, съ жиденькой бородой клиномъ. Лохматую голову его покрывалъ гречишникъ; одѣтъ онъ былъ въ порты и рубаху изъ домашней рашенины, съ наброшеннымъ на плечи армякомъ изъ домашняго бѣлаго сукна.

Лицо юноши сіяло счастьемъ. Онъ жадно смотрѣлъ по горонамъ и наслаждался красотою природы. А красота была удивительная! Не величественная красота суровыхъ горныхъ громадъ, угрюмыхъ скалъ и гремящихъ водопадовъ, что поражаетъ умъ; не сіяющая яркая красота полупеннаго неба, лазурныхъ гротовъ, бирюзовой поверхности моря, что восхищаетъ взоры; но красота спокойной русской природы, умиротворяющая душу, вызывающая чувство тихаго умиленія.

Солнце уже поднялось и разогнало своими лучами туманъ съ рѣки и полей. Неширокая тихая рѣка чуть замѣтно катила воду и слегка колебала тростники, что густою чащею росли на берегу ея. По рѣкѣ скользилъ крошечный челнокъ рыбака; изъ тростниковъ вдругъ вылетѣла стая утокъ и съ крикомъ полетѣла въ поля, которыя зеленѣли за рѣкою и въ безконечной дали сливались съ горизонтомъ. А справа высокою стѣною всталъ густой лѣсъ. Вонъ на опушкѣ его притаился заяцъ; въ глубинѣ гдѣ-то звонко долбитъ дерево дятель, перекликаются чижи, малиновки, и все въ немъ поетъ, ликуетъ на тысячи голосовъ въ это ясное майское утро. Впереди же сѣрой лентой вьется дорога вверхъ, по косогору, и кругомъ ни души, кромѣ юноши, мужика да скользящаго по рѣкѣ рыбака... Но мужикъ уже съ дѣтства приглядѣлся къ этой красотѣ, и его гораздо больше занималъ сѣдокъ, котораго онъ везъ. Время отъ времени онъ оборачивался къ нему, недовѣрчиво оглядывалъ его съ ногъ до головы и бормоталъ самъ про себя, качая раздумчиво головою.

— Ишь, вѣдь, словно барчонокъ на! А глядь: нашъ братъ. Ты и разсуди тутъ, какъ, што. Мы Анну Петровну даже очинно хорошо знаемъ и Лизавету Андреевну превосходно даже. Обходительные господа, — не то, что нашъ Иродъ. У нея теперича больше какъ три дня не бываетъ тягла, а у нашего-то въ ину пору пять! У тебя этто рожь течетъ, а ты ему убирай. Опять насчетъ ежели потравы... и—и, Господи! скачетъ съ охотою: въ овсы, такъ въ овсы... А бьетъ.—Мужикъ даже закрутилъ головою, потомъ пожевалъ губами и забормоталъ снова. — Лизавета Андреевна что анделъ, вотъ! Лѣчатъ онѣ насъ и такъ-то ли пользительно. Однова спину у меня ломало. Пришелъ этто, а онѣ мазъ мнѣ. Мажь, говорятъ... Великолѣпная барышня! И Николая Игнатьевича тоже знаемъ,—съ нашимъ бариномъ въ пріятеляхъ. Какъ же!..

Юноша услыхалъ послѣднія слова.

— Развѣ Николай Игнатьевичъ въ усадьбѣ? на побывку пріѣхалъ?—быстро спросилъ онъ.

Мужикъ оживился, радуясь, что завлекъ спутника въ бесѣду, и, обернувшись къ нему, отвѣтилъ:

— Вовся! тамъ и живутъ съ Анной Петровной. Какъ съ войны вернулись, такъ и остались. Тоже важный баринъ! Мужики бають, лютъ, да сердцемъ отходчивъ. А тебя какъ звать-то? — вдругъ спросилъ онъ юношу: — Петра?

— Петръ, — нехотя отвѣтилъ юноша.

— Петръ Дмитріевъ, кузнецовъ сынъ? — снова спросилъ мужикъ.

— Дмитріевъ, Кузнецовъ!

— Тэкъ! чудно! Слово баринъ, а дворовый... Что же на оброкъ былъ али въ посылкахъ?

— Учился!

— Тэкъ!.. пробормоталъ мужикъ, видимо, совершенно не понявъ отвѣта юноши.

Петръ Дмитріевъ, по своей подорожной значащійся дворовымъ вдовы подполковника Анны Петровны Стрекачовой дѣйствительно, былъ въ ученіи и теперь возвращался домой.

Сынъ Дмитрія кузнеца, взятый барыней за свою смысленность и красивое лицо въ комнаты казачкомъ, маленькій Петя вдругъ проявилъ необыкновенныя способности къ музыкѣ. Сперва потѣшалъ онъ дворню игрою на балалайкѣ, потомъ, доставъ гитару, заигралъ на ней такъ, что сама барыня въ иной вечеръ заставляла Петьку играть и слушала его съ удовольствіемъ; а тамъ случайно попала ему въ руки скрипка, и барыня не могла уже не обратить на него особаго вниманія.

— Учить тебя надобно, — сказала она своему казачку: — можетъ, какой прокъ изъ тебя выйдетъ...

И въ этотъ же день она написала длинное письмо графу Размыслову, который былъ когда-то начальникомъ ея покойнаго мужа и не разъ отличалъ его.

Графъ Размысловъ, едва ли не самый богатый помѣщикъ въ Рязанской губерніи, былъ страстный любитель театра и музыки. Въ его имѣніи былъ выстроенъ роскош-

ный театр, изъ крѣпостныхъ людей составлены драматическая и оперная труппы, балетъ и оркестръ, и графъ, не жалѣя никакихъ затратъ на свою благородную забаву, открылъ не одинъ талантъ въ своей жизни. На письмо Стрекачовой онъ отвѣтилъ немедленно, изъявляя полную готовность помочь развиться музыкальному таланту ея крѣпостного, и, спустя какой-нибудь мѣсяцъ послѣ получения этого отвѣта, Петька уже ѣхалъ къ графу въ науку на шестилѣтній срокъ.

Много воды утекло за это время. Пережита была въ этотъ срокъ тяжелая севастопольская война. Общество ничего не жалѣло на защиту своего отечества. Дворяне составляли ополченія изъ своихъ крѣпостныхъ людей, сами вели ихъ въ Севастополь и погибали на его укрѣпленіяхъ. Анна Петровна тоже послала туда десять своихъ крѣпостныхъ, въ томъ числѣ и Дмитрія, кузнеца, и ни одинъ изъ нихъ не вернулся на родину.

Петя осиротѣлъ. За это время онъ успѣлъ такъ усовершенствоваться въ игрѣ на скрипкѣ, что графъ показывалъ его гостямъ какъ чудо, осыпалъ ласками и сулилъ ему блестящую будущность. По истеченіи шестилѣтняго срока, графъ написалъ Аннѣ Петровнѣ письмо съ предложеніемъ купить у ней бывшаго казачка за какую угодно сумму; но гордая Анна Петровна увидѣла только обиду въ предложеніи графа.

— Чай, я еще не умираю съ голоду, чтобы людей своихъ продавать,—сказала она съ гордостью и тотчасъ отвѣтнымъ письмомъ вызвала Петра къ себѣ назадъ.

И вотъ, Петръ ѣхалъ къ себѣ домой, на старое мѣсто, откуда онъ выѣхалъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. Онъ возвращался къ своей барынѣ довольнымъ: онъ не даромъ потратилъ эти шесть лѣтъ. Графъ на прощаніе обласкалъ его и подарилъ ему дорогую скрипку. Отъ того же графа онъ везъ письмо къ своей барынѣ съ аттестаціей своихъ успѣховъ. Да и кромѣ того возвращеніе на родину радовало его. Снова онъ увидитъ бодрую Анну Петровну, увидитъ внучку ея, дѣвочку съ голубыми гла-

зами и золотыми волосами, которая такъ ласково говорила ему: „сыграй, Петя!“ и дворню: старую ключницу Ипполитовну, дворецкого Степана, кучера Антона, казачка Сеньку, карлицу Матрешку, барынину приживалку Вѣру Владимировну. Всѣ они теперь, въ отдаленіи времени, казались ему словно родными; всѣхъ онъ любилъ и стремился увидѣть, какъ и родныя мѣста, гдѣ пробѣжало его дѣтство.

Только Николай Игнатьевичъ смутно тревожилъ его. Вспоминалъ онъ сердитаго молодого барина, только-что пріѣхавшаго изъ корпуса офицера. За мѣсяцъ его побывки Петя получилъ больше колотушекъ, чѣмъ за все время службы въ комнатахъ. А теперь онъ совсѣмъ поселился...

— Тпррр...—остановилъ мужичокъ лошадь и, обратясь къ юношѣ, сказалъ:

— Ну, паря, теперь вылазь! Миѣ прямо, а тебѣ тутъ рощицей. Сичасъ и усадьба!..

— Я знаю,—пробуждаясь отъ думъ, отвѣтилъ юноша и выскочилъ изъ телѣги.

— Спасибо тебѣ! Вотъ—по уговору.

Онъ заплатилъ мужику за провозъ и взялъ изъ телѣги мѣшокъ со скрипкою.

— Какъ звать-то тебя?

— Силантіемъ! Силантій Перегрызь, изъ деревни Песѣ Ухо господина Анфицына.

— Ну прощай, Силантій!

Юноша ласково кивнулъ ему головою и легкой поступью пошелъ по тропинкѣ въ рощу. Силантій съ недоумѣніемъ смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Чудно! что твой баринъ! — проговорилъ онъ наконецъ и задергалъ вожжами. Лошаденка встряхнула головою и затрусила снова.

Юноша шелъ легко и бодро по рощѣ, въ которой, казалось, каждое дерево ему было знакомо. Только какъ все заросло!.. Вонъ старая береза, съ которой онъ снималъ по веснѣ гнѣзда. Какая она казалась ему тогда вы-

соченная, а теперь... корявая, низкая... Все знакомо! Вотъ сейчасъ, за этими тремя ивами, онъ выйдетъ на лужайку, и за нею, на невысокомъ пригоркѣ, откроется барскій домъ. Вокругъ него службы, садъ и озеро. Слева—деревня Тихая, справа—лѣсъ...

Такъ и есть! онъ вышелъ на лужайку и увидѣлъ усадьбу. Сердце въ немъ замерло. Онъ на мгновеніе пріостановился, потомъ крѣпче взялъ свои вещи и рѣшительно двинулся къ открытымъ настежь воротамъ.

II.

Уже было 9 часовъ утра. Деревенская жизнь давно началась и текла обычнымъ порядкомъ. Во дворѣ усадьбы, на боковомъ крылечкѣ барскаго флигеля, стояла высокая, красивая старуха съ сѣдыми волосами и черными густыми бровями на кругломъ лицѣ. Заслоняясь рукою отъ солнца, она кричала бабѣ, остановившейся посреди двора:

— Опять ястребъ куру унесъ! Я тебя, Оекла, какъ Богъ святъ, посѣчь велю! Что это...

Вошедшій въ растворенныя ворота Петръ сразу призналъ въ кричавшей женщинѣ барыню Анну Петровну и двинулся къ ней. Она тоже увидала, но не узнала его и, отвернувшись отъ Оеклы, смотрѣла на него строгимъ ожидательнымъ взглядомъ, поднявъ высоко свои черныя брови.

— Кто такой?—спросила она его.

Петръ быстро опустилъ на землю мѣшокъ и скрипку, снялъ шляпу и подошелъ къ самому крыльцу. Лицо барыни сразу измѣнилось и приняло ласковое выраженіе.

— Петька! Да никакъ ты?—воскликнула она радостно.

Петръ вбѣжалъ на крыльцо и сталъ цѣловать протянутую ему руку.

— Добро, добро!—сказала привѣтливо Анна Петровна.—А я тебя и не ждала такъ скоро. Ишь какой молодецъ! Ну что, графъ-то тобою доволенъ былъ?

— Хвалили!—скромно отвѣтилъ Петръ.

— А жить-то хорошо было? кормили-то исправно, а?

— Отъ графскаго стола давали...

— Ишь ты!.. а...

Въ это время по двору проходилъ мужикъ съ колесными ободьями, и Анна Петровна прервала бесѣду.

— Егоръ,—закричала она ему,—поди сюда! Ты куда это ободья тащишь?..

Мужикъ, снявъ шапку, подошелъ къ крыльцу. Анна Петровна обратилась къ Петру:

— Ты иди въ людскую. Усталъ, чай! Я тебя послѣ кликну.

Петръ еще разъ поцѣловалъ ея руку, сошелъ съ крыльца и взялъ свои вещи.

— А это что? никакъ скрипка?—спросила Анна Петровна.

— Графъ подарили!—съ гордостью отвѣтилъ Петръ.

Барыня кивнула ему и обратилась къ мужику, который все время стоялъ безъ шапки:

— Кто тебѣ колеса велѣлъ править? Вozить еще не скоро надо будетъ, а и безъ колесъ дѣло есть. Ты вотъ лучше...

Петръ обошелъ флигель, вошелъ черезъ заднее крыльцо въ людскую, а голосъ барыни все еще звенѣлъ на дворѣ.

Въ людской было тихо и пусто. Это была большая комната съ антресолюю; огромная русская печь занимала весь лѣвый уголъ; по стѣнамъ стояли лавки; длинный столъ, приставленный къ правой сторонѣ, занималъ почти всю середину.

Петръ поставилъ въ уголъ на лавку свои пожитки, снялъ шляпу и присѣлъ. За стѣной, къ которой онъ прислонился, былъ слышенъ шумъ ткацкихъ станковъ, осто-

рожный говоръ и изрѣдка визгливые окрики. Петръ вспомнилъ, что рядомъ находилась „дѣвичья“, вышелъ въ сѣнцы и изъ нихъ вошелъ въ сосѣдную комнату. Она была такъ же велика и низка, какъ людская. Печи въ ней не было; вдоль стѣнъ стояли лавки, а середину занимали четыре ткацкихъ станка да шесть пялецъ, и за ними работало десять дѣвушекъ. Въ углу на лавкѣ сидѣла уродливая карлица. Ноги ея не могли даже спуститься съ лавки и торчали своими крошечными ступнями, а сама она походила фигуροю на ребенка лѣтъ восьми-деяти съ огромною какъ котелъ головою. По комнатѣ между станками и пяльцами ходила пожилая женщина съ беззгливо сжатыми губами, съ безцвѣтными глазами и острымъ какъ гвоздь, краснымъ на кончикѣ носомъ. Это была приживалка Анны Петровны, вдова поручика, Вѣра Владимировна, которой довѣрена была „дѣвичья“.

Всегда раздраженная, въ „комнатахъ“ униженная, она зато чувствовала себя полной властелинкою среди крѣпостныхъ дѣвушекъ, и ея визгливый крикъ раздавался въ горницѣ почти безъ перерыва.

— Чего зазѣвалась!—кричала она, внезапно ущипнувъ задумавшуюся дѣвушку за ухо. Та вздрагивала и поспѣшно наклонялась надъ пяльцами, а Вѣра Владимировна кричала уже на другомъ концѣ:—Машка, Машка, опять нитку рвешь! опять узлы да узлы! Смотри, пошлю коровъ доить! и звонкая пощечина раздавалась въ горницѣ.

Карлица первая увидала Петра. Она всплеснула своими крошечными ручками, вскочила на лавкѣ на ноги и закричала:

— Да никакъ ты, Петрушка? Свѣтъ ты мой! Подойди ко мнѣ, подойди!

При ея крикѣ всѣ оставили работу и стали смотрѣть на вошедшаго. Петръ, смущенно улыбаясь, подошелъ къ карлицѣ. Вѣра Владимировна съ неудовольствіемъ обернулась тоже.

— Петръ! ты откуда?—пѣвучимъ голосомъ произнесла

она и протянула ему для поцѣлуя руку; но Петръ вѣжливо притронулся къ ней рукою, отвѣтивъ съ улыбкою:

— Отъ графа Размыслова.

Дѣвушки захихикали. Вѣра Владимировна покраснѣла, и ея глазки злобно сверкнули.

— Чего жъ ты это въ дѣвичью прямо ввалился? — закричала она на него. — Мѣсто тебѣ здѣсь, что ли? Порядки забылъ?

Петръ растерялся, но карлица тотчасъ заступилась за него.

— Оставь его! — закричала она, схватывая Петра за рукавъ. — Чай, и осмотрѣться-то еще не успѣлъ, а ты его и на зубы! — и, смотря на Петра, ласково заговорила: — Ишь, какой красивый сталъ, ишь, какъ выросъ! Подыми-ка меня!

Онъ легко поднялъ ее, и они поцѣловались, послѣ чего онъ опустилъ ее на полъ.

— Богатырь! — сказала она. — Говорятъ, ты на скрипкѣ страхъ наловчился. Вотъ ужъ поиграешь, а я попляшу!

— Пойди, барынѣ доложи лучше! — перебила ее сердито Вѣра Владимировна. — А вы работайте! — крикнула она на дѣвушекъ.

— Я уже видѣлъ барыню, — отвѣтилъ Петръ: — сюда послали!

— Вотъ тебѣ и шишъ! — засмѣялась карлица и вдругъ спохватилась: — Стой-ка, я Ипполитовну покличу, — покормить тебя съ дороги-то!

Она поспѣшно выкатилась изъ дѣвичьей, и слѣдомъ за нею вышелъ Петръ. Голосъ Вѣры Владимировны зазвенѣлъ злобною бранью.

Петръ вошелъ въ людскую и почти тотчасъ услышалъ звонъ ключей, а черезъ минуту очутился въ объятіяхъ толстой сѣдой старухи въ огромномъ чепцѣ.

— Милый ты мой Петруша! — говорила она, всхлипывая и цѣлуя его, — свѣтикъ ты мой, сиротиночка! То-то тебѣ барыня обрадуется! Ужъ вспоминали мы тебя, голубчика! Дмитрій-то, уходя, наказалъ мнѣ тебя беречь, барынѣ въ ноги кланялся...

— Да ты напой его лучше, старая!—остановила старушку карлица:—съ дороги онъ.

— Ахти мнѣ!—воскликнула Ипполитовна.—Постой, милый, я тебя чайкомъ напою. Иди ко мнѣ! Иди и ты, Матрешка!—сказала она карлицѣ и торопливо повела ихъ въ свою каморку.

Горенка ея была подлѣ людскихъ. Съ крохотнымъ столикомъ въ углу подѣ кіотомъ, съ двумя стульями и кроватью съ пологомъ, она имѣла видъ кладовой, столько въ ней стояло разныхъ сулей съ настойками, банокъ съ соленьями и вареньями, разныхъ кадочекъ и горшочковъ. По стѣнамъ висѣли связки сушеныхъ грибовъ, подѣ толкомъ въ застрѣхахъ торчали пучки хмеля и мяты, и воздухъ въ комнаткѣ былъ напитанъ смѣшаннымъ запахомъ пряныхъ травъ, уксуса, спирта и деревяннаго масла.

Ипполитовна усадила Петра у столика, быстрымъ движеніемъ подняла на стулъ карлицу и захлопотала съ чаемъ, а потомъ начала угощать Петра. Чѣмъ-то отраднымъ, ласковымъ пахнуло на него въ этой крошечной каморкѣ. Ипполитовна и карлица, перебивая другъ друга, рассказывали Петру всѣ домашнія новости. Прежде всего про проводы его отца, про его смерть въ дальней сторонѣ, про то, какъ сокрушалась по немъ барыня.

— Кузнецъ-то былъ не въ примѣръ прочимъ. Первѣюшій мастеръ. Вонъ у меня укладочку онъ смастерилъ,—вздохнувъ сказала Ипполитовна и набожно перекрестилась.—Царство ему небесное.

Потомъ заговорили о барышнѣ, Елизаветѣ Андреевнѣ.

— Вотъ ужъ увидишь, что за красавица стала. И умница, въ губерніи въ пансіонѣ училась,—сказала карлица.

— А добрая!—подхватила Ипполитовна:—ангелъ, прямо ангелъ. Вся въ отца своего...

— Лѣчитъ всѣхъ...

— На всю округу извѣстна! И отъ Свирской, и отъ Дальской, и отъ Анфицына всѣ такъ и идутъ. А она, голубушка, никѣмъ не брезгуетъ. И что болитъ, посмотреть, и снадобья дать.